
K.E.
ВЕДЬМА
18+

К. Е.

Ведьма

«Автор»
2026

Е. К.

Ведьма / К. Е. — «Автор», 2026

«Сквозь тьму — к истине», — гласит девиз академии Сент-Мортис. Но что, если истина смотрит на тебя из зеркала твоими же глазами?В первый же день в академии Кира Вейл оказывается в центре расследования: погиб студент, на месте преступления — её кровь, а голос из витража называет её имя.Вместе с Дорианом, молодым магом, который ищет следы запретных ритуалов, и подругой Серой, Кира пытается понять, что происходит. Но чем ближе она подходит к разгадке, тем яснее становится: тайна не в академии. Тайна — в ней самой.

© Е. К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девочка за стеклом 5
Глава 2. Тот, кто не испугался 9
Глава 3. Осколки помнят 15
Глава 4. Запертая аудитория 22
Глава 5. Круг и ключ 32
Глава 6. Правила тишины 36
Глава 7. Анатомия отражений 42
Глава 8. Неправильный след 47
Конец ознакомительного фрагмента. 52

К. Е.
Ведьма

Глава 1. Девочка за стеклом

В Сент-Мортис приезжали не за знаниями.

По крайней мере, так говорили те, кто никогда не учился в Сент-Мортис.

Академия стояла на холме над городом, за чёрной оградой и рядом старых лип. Её башни пронзали низкие облака, а в узких окнах отражалось небо такого цвета, словно кто-то выжал из него всю краску. Издалека Сент-Мортис походил на замок, где давно перестали ждать гостей. Вблизи — на замок, который ждал только одного: чтобы кто-нибудь вошёл и не вернулся.

Я вышла из машины и сразу поняла, что зря надела тонкие чулки.

Ветер пробрался под кружево юбки, холодно обхватил колени. Я одёрнула край чёрного платья, поправила розовый кардиган и провела пальцами по двум атласным бантикам на чулках — одному, потом другому. Они лежали ровно. Почти безупречно.

Безупречность была полезной вещью. Её можно было надеть, как одежду, и надеяться, что никто не заметит, что под ней ты дрожишь.

— Кира, — сказала мама из машины. — Ты уверена, что справишься?

Она спрашивала это уже третий раз за дорогу.

Я посмотрела на неё. Мама держалась за руль так, будто отпускать его было опасно.

— Это просто школа с башнями.

— Это академия.

— С очень высокими башнями.

Мама попыталась улыбнуться. Получилось только устало. В зеркале заднего вида за её плечом мелькнуло моё лицо: бледное, с тёмными глазами, обрамлёнными ресницами, которые я подкручивала слишком долго. Из-за них я всегда выглядела чуть удивлённой, будто мир только что сказал что-то неприличное.

Я вытащила чемодан. Колёса застряли в гравии.

— Позвонишь, если что-нибудь понадобится?

— Конечно.

Мы обе знали, что я не позвоню. Мама знала, что я не хочу, чтобы она приезжала. Я знала, что она всё равно будет ждать звонка.

Когда машина тронулась, я не стала махать. Только подняла руку — коротко, чтобы мама увидела, и быстро опустила, пока она не успела заметить, как пальцы дрожат.

Ворота академии стояли распахнутыми. На каменной арке высекли девиз: «Сквозь тьму — к истине». Буквы потемнели от дождей, а в щели между «тьмой» и «истиной» пророс маленький зелёный мох.

Я подумала, что девиз звучит так, будто его придумал человек, который никогда не сталкивался ни с тем, ни с другим.

За воротами поднималась лестница. Я потянула чемодан за собой, стараясь не считать ступени. На седьмой чемодан заскрипел. На двадцать первой розовый рукав зацепился за куст шиповника. Я выругалась шёпотом и высвободила ткань.

Колючка оставила на коже тонкую царапину.

Капля крови выступила почти сразу.

Я спрятала руку в рукав.

Тёплое покалывание поднялось от запястья к локтю. Внутри меня что-то потянулось навстречу запаху крови — неторопливо, как кошка, услышавшая, что открыли банку с кормом.

Я сжала пальцы.

— Нет, — сказала я одними губами.

На груди под платьем холодно лежал медальон. Старое серебро, чёрный камень в середине, цепочка с потемневшими звеньями. Мама называла его семейной вещью. Бабушка — спасением. Я называла его намордником, только про себя.

Тепло под кожей отступило.

Главный корпус встретил меня запахом мокрого камня, воска и старых книг. В холле гулко хлопнула дверь. Где-то наверху отозвался колокол — один короткий удар, будто кто-то проверял, жив ли он.

Мимо проходили студенты. Чёрные пиджаки, серые юбки и брюки, белые воротники. У некоторых были значки факультетов: серебряные ключи, вороны, раскрытые глаза. Они смотрели на меня с любопытством, которое старательно притворялось равнодушием.

На розовый кардиган смотрели чаще всего.

Я подняла подбородок. Если в Сент-Мортис и был способ не выглядеть испуганной, то он, вероятно, сводился к тому, чтобы выглядеть обиженной.

В кабинете приёмной секретарь выдала мне ключ и расписание.

— Северное крыло, комната двадцать семь. Не заходите в закрытые башни, не пользуйтесь служебными лестницами и не посещайте библиотеку после отбоя.

— А если мне понадобится книга?

— Тогда подождёте до утра.

Секретарь произнесла это так, будто книги были опасными животными, которых нельзя кормить ночью.

Я взяла бумаги.

— А если книга сама меня позовёт?

Она подняла глаза.

— Тогда позовите дежурного смотрителя.

Я не поняла, шутит она или нет. В Сент-Мортис это, похоже, считалось нормальным способом разговаривать.

Моя комната находилась на третьем этаже. Узкая кровать, письменный стол, шкаф с зеркальной дверцей. Из окна были видны внутренний двор и небольшая оранжерея с мутными стёклами. На подоконнике кто-то оставил засохший цветок в стакане.

Я поставила чемодан и первым делом проверила замок на двери. Потом — окно. Потом ещё раз замок.

На столе лежал конверт с моим именем. Почерк был аккуратным, с наклоном вправо.

«Мисс Вейл, явитесь к декану Рену в семь часов. Не опаздывайте».

Я посмотрела на часы. До семи оставалось сорок минут.

Успела переодеться в сухую блузку, снова поправить банты и дважды пожалеть, что приехала.

В кабинете декана пахло табаком, хотя пепельницы я не увидела. За его спиной висел портрет женщины с тонким лицом и тяжёлым взглядом. Она смотрела на меня так, словно уже знала, что я однажды испорчу ей день.

— Кира Вейл, — сказал декан. — Ваши документы впечатляют.

— Спасибо.

— Это не похвала. Я изучил ваши оценки, рекомендации и медицинские записи.

Медальон холодно коснулся ключицы.

— Медицинские?

— В Сент-Мортис мы стараемся понимать, кого принимаем. Здесь учатся люди с… необычными особенностями.

— Значит, я подхожу.

Декан некоторое время изучал меня. Затем перевёл взгляд на кардиган.

— Ваш стиль несколько выбивается из формы.

— Я заметила.

— Не создавайте впечатление, будто хотите выделиться.

— Я не хочу. Я просто оделась.

За его плечом женщина на портрете, разумеется, не шевельнулась. Но мне показалось, что уголок её рта стал чуть ниже.

Декан закрыл папку.

— Здесь ценят дисциплину, мисс Вейл. И осторожность. Особенно осторожность.

— Я постараюсь быть осторожной.

— Постарайтесь, чтобы это не было лишь обещанием.

На обратном пути я свернула не туда. Коридор оказался уже, чем остальные, и темнее: редкие лампы горели под потолком, оставляя между собой провалы, в которых легко было вообразить чьё-то присутствие.

Я остановилась у высокого окна. За стеклом темнел двор. Где-то внизу хлопнула дверь, и по стенам прокатился ветер.

В конце коридора, за поворотом, послышались голоса.

— Ты видел его сегодня?

— Кого?

— Не делай вид, будто не знаешь.

Я не собиралась подслушивать. Правда. Но голос второго человека звучал так испуганно, что мои ноги сами замедлили шаг.

— Он сказал, что всё под контролем.

— Он всегда так говорит.

Послышался короткий смешок. Невесёлый.

Я двинулась дальше — и наступила на что-то хрустнувшее.

Под подошвой лежала тонкая стеклянная пластинка. На ней виднелась царапина, похожая на знак: круг, пересечённый вертикальной чертой. Я подняла пластинку. Она оказалась тёплой.

На ладони заныло.

Снова кровь — моя, из царапины от шиповника. Только теперь капля выступила сквозь ткань рукава и упала на стекло.

Знак вспыхнул красным.

Внутри меня что-то проснулось.

Коридор качнулся. Тени отделились от углов и потянулись ко мне, тонкие и длинные. На секунду мне показалось, что у каждой есть лицо. Я услышала шёпот — не словами, а близким, влажным дыханием у самого уха.

Медальон обжёг кожу.

Я выронила пластинку.

— Не трогай.

Голос раздался за спиной.

Я резко обернулась.

Мальчик стоял у окна, в нескольких шагах от меня. Высокий, худой, с чёрными волосами, падающими на лоб. На нём была форма, но галстук он ослабил, а верхнюю пуговицу расстегнул. На груди блестел значок с изображением ключа.

Он посмотрел не на меня — на пластинку у моих ног.

— Что это? — спросила я.

— То, что тебе не нужно поднимать.

— Уже поздно.

Он перевёл взгляд на мою ладонь. Кровь проступила через порез, тонкая красная линия пересекала кожу.

— Ты новенькая.

— Ты проницательный.

— А ты упрямая.

— Это не запрещено правилами?

— Пока нет.

Я хотела спросить, кто он такой, но в ту же секунду в дальнем конце коридора что-то упало. Звук был тяжёлым и глухим. Потом — тишина.

Мальчик выпрямился.

— Останься здесь.

— Почему?

Он уже шёл к повороту.

Конечно, я пошла следом.

За углом оказался короткий коридор с дверью, ведущей в старую галерею. Дверь была приоткрыта. Изнутри тянуло холодом и запахом железа.

Мальчик остановился. На его лице впервые появилось что-то похожее на страх.

— Не входи, — сказал он.

Я посмотрела через его плечо.

В галерее, между двумя высокими витражами, на боку лежал человек. Мальчик в форме Сент-Мортис. Одна рука была вытянута к двери, будто он пытался дотянуться до выхода. На воротнике темнело пятно крови.

Я не закричала. Воздух застрял в горле.

Мой медальон нагрелся. Кровь на полу дрогнула, словно от сквозняка, хотя окна были закрыты. Тонкая алая нить потянулась к моим ботинкам.

Я отступила.

Мальчик обернулся и посмотрел на меня.

— Ты была здесь?

— Нет.

— Тогда почему у тебя на руке кровь?

В конце коридора послышались торопливые шаги. Кто-то крикнул, чтобы вызвали декана.

Я подняла ладонь. Порез был маленький, но кровь уже успела пропитать манжету.

— Это не его кровь, — прошептала я.

Мальчик смотрел на меня, не моргая.

А потом из галереи донёсся второй звук.

Не шаги. Не голос.

Тихий стук изнутри закрытого витража.

Кто-то, по ту сторону стекла, трижды ударил в него костяшками пальцев.

И назвал моё имя.

Глава 2. Тот, кто не испугался

— Кира Вейл.

Голос из стекла был тихим, почти вежливым. От этого стало хуже.

Я отступила ещё на шаг. Пятки ударились о каменную стену. Витраж не шевелился. За ним лежала ночь, густая и синяя, хотя на улице ещё не стемнело.

— Ты слышал? — спросила я.

Парень у двери не ответил. Он смотрел на стекло так, будто ждал, что оно произнесёт что-то ещё.

— Эй.

— Слышал, — сказал он наконец. — Но не отвечай.

— Я и не собиралась.

— Хорошо.

— Ты всегда так разговариваешь с людьми, которые только что нашли труп?

— Обычно люди в такой ситуации кричат. Ты задаёшь вопросы.

— Может, мне нравится быть неудобной.

За дверью нарастали шаги, голоса, скрип подошв. Парень шагнул ко мне и перехватил моё запястье. Его пальцы оказались холодными.

— Отпусти.

— Когда они войдут, не смотри на кровь.

Я дёрнула руку. Он не удерживал крепко, но и не отпускал.

— Ты кто вообще?

— Дориан.

— Это имя или предупреждение?

— Сегодня — имя.

Он выпустил меня и поднял с пола стеклянную пластинку. Та снова вспыхнула красным. Дориан сжал её в кулаке. Свет погас, и на ладони у него проступила тонкая тёмная полоска — будто стекло порезало кожу.

— Не трогай её голыми руками! — вырвалось у меня.

Он посмотрел на свою ладонь.

— Поздно.

— У тебя тоже…

— Я заметил.

Он достал из кармана белый платок и обернул им пластинку. Не рану. Пластинку. Как будто та была важнее.

Служебная дверь распахнулась. В галерею вошли двое взрослых: декан Рен и женщина в сером платье, которую я видела у входа. За ними — несколько студентов. Один из них, светловолосый, сжимал телефон обеими руками.

— Назад, — приказал декан.

Я послушалась. Дориан остался у порога.

Женщина в сером присела рядом с телом. Она не коснулась его, лишь наклонилась, рассматривая пятно на воротнике.

— Кто обнаружил?

— Я, — сказал Дориан. — Кира была со мной.

Я повернулась к нему.

Он не сказал, что я была в другом коридоре. Не сказал, что я подняла странную пластинку. Не сказал про кровь на моей руке.

Почему?

— Имя погибшего? — спросила женщина.

— Леон Арден, — ответил декан. — Второй курс. Не трогайте ничего.

Светловолосый студент у двери побледнел. Его телефон тихо звякнул, и он вздрогнул, будто получил пощёчину.

Я снова посмотрела на тело. У Леона были открыты глаза. В них отражались витражи — не те, что висели над ним, а другие: высокие, красные, с фигурой женщины в короне из шипов.

Я моргнула.

Отражение исчезло.

— Мисс Вейл, — сказала женщина в сером. — Подойдите.

Медальон стукнул по ключице. Я шагнула вперёд.

— Вы знали Леона?

— Нет.

— Вы слышали что-нибудь до того, как вошли в галерею?

Я посмотрела на Дориана. Он едва заметно качнул головой.

Лгать я не любила. Но правда порой была дверью, которую нельзя было закрывать за собой.

— Только звук падения.

— Вы трогали что-нибудь в коридоре?

— Нет.

Дориан отвёл взгляд.

Женщина в сером задержала на мне глаза. Они были светло-карие, почти бесцветные.

— На вашей манжете кровь.

— Я порезалась у ворот.

— Можно посмотреть?

Я протянула ладонь. Порез тянул кожу, тонкая царапина уже начала подсыхать. Женщина взглянула на неё, потом на пятно на манжете.

— Не похоже на кровь погибшего, — сказала она. — Но пока никто не покидает главный корпус. Декан распорядится о временном закрытии академии.

Гул голосов за спиной поднялся. Кто-то прошептал «убийство». Кто-то ответил: «Здесь не бывает убийств».

Я поймала взгляд светловолосого. Он смотрел на мои чулки — на розовые банты, слишком яркие среди серых лиц. Потом перевёл глаза на мою руку.

Я знала этот взгляд. Так смотрят на вещь, которая может сломаться, если нажать в правильном месте.

— Ты новенькая? — спросил он.

— Да.

— Плохой день для знакомства.

— А у тебя бывают хорошие?

Он не ответил. Телефон снова коротко завибрировал. Он посмотрел на экран и спрятал его в карман.

— Достаточно, — сказал декан. — Всех по комнатам. Дориан, останься.

Дориан повернулся ко мне:

— Иди в общежитие.

— Ты мой надзиратель?

— Нет. Поэтому и советую.

Я вышла вместе с остальными. Коридор был полон шёпота. Слухи уже бежали впереди нас, как крысы из затопленного подвала.

«Витраж треснул».

«Арден был мёртв, когда его нашли».

«Он сам вызвал это».

«Новая девочка принесла кровь».

Последнее я услышала у лестницы. Говорил тот самый светловолосый. Он не заметил, что я остановилась.

— Она вообще странная, — сказал он приятелю. — Видел, как на неё посмотрел декан? Будто заранее знал.

Я могла бы развернуться. Сказать, что он ошибается. Спросить, почему его так волнует моя кровь.

Вместо этого я пошла дальше.

Комната двадцать семь оказалась заперта. Ключ не хотел поворачиваться. Я нажала сильнее. Дверь поддалась и распахнулась.

На столе лежал мой блокнот, раскрытый на чистой странице. Я точно помнила, что оставила его закрытым.

На бумаге проступали буквы. Не чернила — тёмные, влажные линии, будто кто-то писал кровью с другой стороны листа.

Не верь мальчику с ключом.

Я отшатнулась. Стул скрипнул за спиной.

В комнате никого не было.

Буквы расплылись и исчезли. Я коснулась страницы. Бумага оказалась сухой.

В дверь постучали.

Я схватила нож для бумаги со стола.

— Кира, это я, — сказал Дориан.

— Как ты нашёл мою комнату?

— Я видел список расселения.

— Удобно.

— Открой.

— Я могу позвать дежурного.

— Тогда придётся объяснять, почему у тебя в руках нож.

Я посмотрела на нож. Тонкое серебряное лезвие дрожало в моей руке.

— Он для писем.

— У тебя есть письма?

— Нет.

— Тогда открой.

Я приоткрыла дверь, оставив цепочку. Дориан просунул в щель бумажный пакет.

— Что это?

— Лёд. Для руки.

— Я не просила.

— Знаю.

— Ты всё время помогаешь людям, которые не просят?

— Только тем, кто может случайно разбудить то, что лучше оставить спящим.

Я посмотрела на него поверх цепочки.

— Ты видел, что случилось с кровью.

Он не стал притворяться.

— Видел.

— И не собираешься рассказывать декану?

— Пока нет.

— Почему?

Дориан оглянулся на коридор. У дальней стены мерцала лампа. Свет подрагивал, будто кто-то проходил за стеной.

— Потому что в галерее была не только кровь Леона.

— А что ещё?

— След от ритуала. Такой же знак, как на стекле.

Я вспомнила пластинку в его руке.

— Ты забрал её.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы её не нашли те, кто не должен.

— И кто же должен?

Дориан посмотрел мне прямо в глаза. Ни насмешки, ни жалости. Только настороженность, похожая на мою собственную.

— Я.

Я захлопнула дверь.

Он постучал один раз.

Я не ответила. За дверью скрипнула половица.

— Ты всё ещё там? — спросила я.

— Да.

— Почему?

— Потому что ты не открыла.

— Это обычно означает, что человек хочет побыть один.

— Обычно — да.

Я прижала лоб к прохладному дереву. Голова гудела, а под ногтями всё ещё мерещилась кровь с пола галереи. Не моя. Не Леона. Или всё-таки его? Красная нить потянулась к моим ботинкам, и я не знала, что было страшнее: что я видела её или что хотела снова увидеть.

— Ты сказал, что убийца знает, что я здесь. Откуда?

Дориан ответил не сразу.

— Когда я поднял пластинку, на ней остался след чужой памяти. Очень короткий. Кто-то смотрел на галерею изнутри витража.

— Изнутри стекла не смотрят.

— В Сент-Мортис — смотрят.

— Ты всегда говоришь загадками или только когда скрываешь что-то?

— Я изучаю изгнание сущностей и ментальную магию. Иногда чужая память цепляется к предмету так же прочно, как пыль к старой ткани. Если не знать, как снять отпечаток, можно принять его за собственное воспоминание.

— Значит, ты видишь чужие мысли?

— Нет. Я умею находить то, что оставили после себя. Это разные вещи.

— А голос за стеклом?

Он не ответил.

Я отступила от двери и посмотрела на трещину в зеркале. Она начиналась у самого края, тонкая, почти незаметная. На стекле в комнате всё было целым.

— Ты сказал, что не слышал, как оно назвало меня.

— Я сказал, что не слышал.

— Это не одно и то же, что «не было».

— Я знаю.

В его голосе не было раздражения. Только осторожность — такая, с какой подходят к огню, который пока не решил, кого обжечь.

Я сняла цепочку с двери и приоткрыла створку на ладонь. Дориан стоял на прежнем месте. Платок с пластинкой он убрал во внутренний карман. На его ладони проступила чёрная линия, похожая на тонкую нить, протянутую от запястья к основанию большого пальца.

— Это от стекла? — спросила я.

— От знака.

— Ты сказал, он был на пластинке.

— Был.

— А теперь на тебе.

— Он не любит, когда его трогают.

— Пластинка тоже не любит?

— Пластинка не умеет любить.

— Звучит так, будто ты давно с ней знаком.

Дориан посмотрел на мой медальон. Не на лицо, не на цепочку — точно на чёрный камень под кружевом. Я закрыла ладонью вырез платья.

— Не смотри туда.

Он сразу отвёл взгляд.

— Прости.

Это было первое простое слово, которое он сказал без тени насмешки.

— Что ты знаешь о медальоне? — спросила я.

— Пока ничего, что мог бы доказать.

— А что не можешь доказать?

— Что его сделали не для красоты.

Я сжала край двери. Мама говорила, что украшение принадлежало бабушке. Бабушка говорила: «Не снимай, даже если станет жечь». Никто не объяснил, что будет, если я всё-таки сниму. Я была уверена, что не собираюсь проверять.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила я.

— Потому что иначе тебя объявят подозреваемой.

— Это причина, почему ты не хочешь, чтобы меня поймали. Не почему тебе вообще есть до меня дело.

Дориан помолчал.

— Я искал знак на стекле.

— И нашёл?

— Да.

— Он связан с Леоном?

— Возможно.

— А со мной?

— Я пока не знаю.

Он произнёс это ровно, но его взгляд снова на мгновение задержался на медальоне. Вот теперь я поняла: он не знал всего. Но знал достаточно, чтобы приехать сюда не случайно.

Я хотела спросить, давно ли он меня искал, когда зеркало за спиной тихо щёлкнуло.

Дориан побледнел.

— Что это было?

— Кира, убийца знает, что ты здесь.

— Ты сказал, что это был ритуал.

— Я сказал, что в галерее был его след. Это не одно и то же.

— А голос за стеклом?

За дверью замолчали.

— Какой голос?

Я сжала нож для бумаги.

— Не притворяйся.

— Я не слышал, чтобы он называл твоё имя.

— Тогда ты плохо слушал.

— Возможно.

Он не ушёл. Я слышала его дыхание за дверью, редкие шаги в коридоре, скрип старого дерева. Потом — тихий стук.

Не в дверь.

Из зеркала.

Я медленно обернулась.

На зеркальной дверце шкафа проступили три тёмные точки. Они выстроились в ряд, будто кто-то постучал костяшками пальцев с другой стороны.

Я не успела крикнуть.

Зеркало пошло трещиной — от края до края.

В каждой осколочной полосе отражалась одна и та же фигура: Леон Арден, стоящий за моей спиной.

А его губы беззвучно складывали моё имя.

Глава 3. Осколки помнят

Я не закричала.

Не потому, что не испугалась. Просто страх занял всё место внутри меня и не оставил воздуха для звука.

Леон стоял в зеркале за моей спиной. На нём была та же форма, что и в галерее, только воротник оказался чистым. Он смотрел на меня из каждой узкой полосы отражения. В одном осколке его губы шевелились быстрее, в другом — медленнее. В третьем он улыбался.

Дориан оказался рядом так быстро, что я не услышала шагов.

— Не смотри ему в глаза.

— Я не…

— Кира. Сюда.

Он встал между мной и зеркалом, заслонил отражение плечом. В руке у него был сложенный платок. Тот самый, в который он завернул стеклянную пластинку. Дориан прижал ткань к зеркалу, и его пальцы дрогнули.

— Это работает? — спросила я.

— Не знаю.

— Великолепный план.

— Другого нет.

Он провёл платком по стеклу, словно хотел стереть запотевший след. Осколки заскрипели. Не громко, но звук прошёлся по зубам, как металлическая ложка по краю стакана.

Из зеркала донёсся шёпот:

— Кира.

Я зажала уши. Дориан резко обернулся.

— Не отвечай ему.

— Я не собиралась.

— Ты уже ответила раньше.

— Я ничего не говорила.

— Не словами.

Его ладонь лежала на стекле. Чёрная линия на коже стала шире, обхватила запястье. Дориан стиснул челюсть, но не отступил.

— Убери руку, — сказала я.

— Если отпущу, отражение пройдёт дальше.

— Оно может пройти?

— Не должно.

— Ты опять говоришь «не должно», как будто это что-то меняет.

— Иногда этого достаточно, чтобы не дать ему войти.

Осколки дрогнули. Леон наклонился ближе к стеклу. На его лице проступили тёмные следы, похожие на трещины. В одной из полос он выглядел мёртвым. В другой — испуганным.

Я отвернулась, но увидела его в блеске медальона. Маленькое отражение, пойманное чёрным камнем. Он поднял руку и коснулся изнутри того места, где на мне лежала цепочка.

Медальон обжёг кожу.

— Сними его, — сказал Дориан.

— Что?

— Он реагирует на отражение. Сними.

— Ты только что запретил мне смотреть на него, а теперь велишь снять единственное, что держит мою магию на месте?

Дориан замер.

— Я не знал, что он сдерживает магию.

— Конечно.

— Кира…

— Не произноси моё имя так, будто мы давно знакомы.

Он убрал руку от зеркала. Платок остался прижатым к стеклу и медленно потемнел. Дориан смотрел на мою грудь; не на кожу, а на цепочку. В его лице мелькнуло узнавание.

Я сорвала платок с зеркала и отшвырнула его на пол.

— Хватит. Что ты знаешь?

— Не здесь.

— Удобный ответ.

В коридоре раздались быстрые шаги. Кто-то повернул ручку нашей двери.

— Кира Вейл? — послышался голос женщины в сером. — Откройте.

Дориан выругался вполголоса.

— Ты должен уйти.

— Я не оставлю тебя одну.

— Ты меня не знаешь.

— Зато знаю, что сейчас происходит.

— Нет. Ты угадываешь и делаешь вид, что знаешь.

— Может быть. Но если она увидит зеркало…

— Увидит что? Своё отражение?

Он посмотрел на трещину. На секунду его спокойное лицо стало чужим, старше и усталее.

— Она увидит то, что осталось в нём от Леона.

Дверь дёрнулась.

Я бросилась к зеркалу. Подхватила покрывало с кровати и набросила на шкаф. Ткань легла неровно, зацепилась за ручку. Из-под неё проступили светлые полосы. Я натянула покрывало, пока оно не скрыло зеркало целиком.

— Кира, откройте, — повторила женщина.

Дориан нашёл платок и спрятал его во внутренний карман.

— Ты в комнате одна, — сказал он. — Ты ничего не слышала и не видела.

— А ты?

— Меня здесь нет.

— Удобная способность.

— Не та, которой хочется хвастаться.

Он скользнул к шкафу, за которым начиналась узкая щель между мебелью и стеной. Я раньше не замечала, что панель там неплотно прилегает к камню. Дориан надавил на неё плечом. Панель подалась.

— Это служебный проход?

— Похоже.

— Ты знал о нём?

— Нет.

Он сказал это слишком быстро.

Я хотела возразить, но дверь комнаты распахнулась. Женщина в сером вошла первой. За её плечом стоял декан, а у него за спиной переминался светловолосый студент.

— Мисс Вейл, — сказала женщина. — Вы в порядке?

Я посмотрела на покрывало, на Дориана, которого уже не было видно за панелью, на нож для бумаги на столе.

— Пока не знаю.

— Что случилось?

— Я услышала звук. Из шкафа.

— Из шкафа? — переспросил декан.

— Там зеркало. Оно треснуло.

Женщина сняла покрывало. Зеркальная дверца шкафа была целой. В ней отражались только мы: я — с бледным лицом и небрежно распущенными волосами; декан — с усталым лбом; незнакомая женщина — с папкой в руках.

Никаких трещин.

— Вы, кажется, не спали этой ночью, — сказала она.

— Я только приехала.

— Я знаю. Именно поэтому спрашиваю: вы спали?

— Нет.

— Принимали какие-нибудь препараты? Настойки? Успокоительное?

— Нет.

— У вас бывает…

Она не закончила фразу. Декан бросил на неё быстрый взгляд.

— Бывает что? — спросила я.

Женщина закрыла папку.

— Ваша кровь была обнаружена рядом с телом Леона Ардена.

— Я уже говорила, что порезалась.

— Это подтвердили. Но рядом нашёлся и другой след. На стекле.

— Я не трогала витраж.

— Вы нашли осколок.

Я посмотрела на декана.

— Кто вам сказал?

— Дориан.

Холод пробежал по спине. Дориан, значит, всё-таки не остался в проходе. Или кто-то видел его у галереи. Или декан проверял, как я отреагирую.

— Это неправда, — сказала я.

Женщина не стала спорить. Она лишь достала из папки прозрачный пакет. Внутри лежал кусок стекла с тем самым знаком — кругом, перечёркнутым чертой.

— Узнаёте?

Я не ответила.

— На вашей ладони обнаружена кровь. На пластинке тоже. До лабораторного анализа мы не можем утверждать, что между ними есть связь.

— Тогда зачем вы спрашиваете?

— Потому что в академии погиб студент. А вы были последним человеком, которого видели рядом с ним.

Я не была последним человеком. Дориан стоял рядом. Но назвать его означало бы признать, что я видела его не только у галереи.

— Кто вы? — спросила я.

— Инспектор Элиан Вейл.

— Вы тоже Вейл?

— Нет. Фамилия случайная.

— А имя?

В уголке её рта что-то дрогнуло.

— Элиан. Я отвечаю за дисциплину и внутренние расследования.

— Тогда расследуйте.

Декан нахмурился.

— Мисс Вейл, сейчас вам нужно успокоиться.

— Я спокойна.

Мои руки были сжаты в кулаки. Ногти впивались в ладони, и новый укол боли возвращал мысли на место.

Инспектор Вейл посмотрела на мои пальцы.

— Не делайте себе хуже.

Я разжала кулаки. На коже остались маленькие полумесяцы.

— Я хочу, чтобы вы пришли ко мне завтра после завтрака, — сказала она. — Мы поговорим без свидетелей.

— А если я не приду?

— Тогда я пришлю за вами.

Декан открыл дверь, показывая, что разговор окончен. Светловолосый студент задержался на пороге.

— Надеюсь, вы понимаете, как это выглядит, — произнёс он.

— Нет. Объясни.

Он скользнул взглядом по медальону.

— Как будто ты его убила.

— И зачем мне было это делать?

— Не знаю. Может, чтобы никто не заметил, какая ты странная.

— Ты так часто думаешь о моей странности?

Он усмехнулся, но глаза у него оставались настороженными.

— Я просто стараюсь быть внимательным.

— Тогда начни с того, чтобы не мешать расследованию.

Декан вывел его в коридор. Инспектор задержалась на секунду.

— Сегодня из комнаты не выходить, — сказала она. — Дежурные будут обходить этаж.

— Это приказ?

— Это забота о вашей безопасности.

Она закрыла дверь.

Я осталась одна.

Точнее, одна с медальоном, скрытым зеркалом и проходом в стене.

Секунды две я смотрела на панель. Потом подошла и постучала по ней костяшками.

— Дориан?

Ответа не было.

Я прислонила ухо к дереву. За стеной шуршала ткань. Затем послышался короткий удар, будто кто-то задел плечом камень.

— Если ты там, скажи.

— Я там.

— Ты сообщил им про осколок.

— Я сказал, что нашёл его на полу.

— Я просила тебя молчать.

— Ты не просила.

— Я посмотрела на тебя таким взглядом, который означает «не сдавай меня».

— Я не умею читать взгляды.

— Тогда тебе стоит записаться на собственные занятия.

Дориан толкнул панель. Она приоткрылась, и он вышел боком. На его плече белела пыль.

— Ты отправил меня под подозрение.

— Я сказал правду. Если бы умолчал, они нашли бы осколок у меня и решили, что я его спрятал.

— А теперь?

— А теперь они думают, что я был рядом с тобой.

— Ты и был рядом со мной.

— Не в комнате.

— Это должно меня успокоить?

Он вздохнул. Впервые за всё время его плечи опустились, как будто с них сняли невидимую тяжесть.

— Нет.

Я подняла покрывало. Зеркало всё так же было целым.

— Я видела Леона, — сказала я. — Он стоял за мной. В зеркале. Ты тоже видел?

— Нет.

— Или не хочешь говорить?

— Не видел. Но почувствовал, что в стекле осталось что-то, что не принадлежит ему.

— Ты учишься изгонять призраков.

— Я учусь изгонять то, что притворяется призраком.

— И в чём разница?

— Призраки редко стучат по зеркалу. Отпечатки памяти делают это чаще.

— Значит, Леон был отпечатком?

— Возможно. А возможно, кто-то использовал его образ, чтобы достучаться до тебя.

— Почему до меня?

— Пока не знаю.

— Я уже слышала эту фразу.

— Потому что это правда.

— Тогда скажи правду целиком.

Он посмотрел на медальон.

— Я не знаю, кто ты.

— Декан знает?

— Не думаю.

— Ты сказал, что искал знак. Теперь выясняется, что он связан со мной.

— Я сказал, что не знаю.

— Но догадался.

— Да.

Его честность не помогла. Она лишь сделала ложь вокруг неё отчётливее.

— Уходи, — сказала я.

Он направился к двери, но у самого порога остановился.

— Я могу показать тебе, как не давать отражениям отвечать за тебя.

— Я не просила.

— Я знаю.

— Перестань говорить, что знаешь.

— Хорошо.

Он ушёл.

Дверь закрылась. Я услышала, как его шаги удаляются по коридору. Только тогда поняла, что весь разговор держала в руке нож для бумаги.

На лезвии блестела кровь.

Я вытерла его о салфетку и бросила на стол. Потом села на пол, прислонившись спиной к кровати. Снаружи дежурный проходил по коридору. Его ключи позванивали в такт шагам.

Когда он удалился, я поднялась и подошла к окну.

Во дворе собрались студенты. Их было слишком много для обычной перемены, слишком мало для общего собрания. Они говорили вполголоса и постоянно поглядывали на северное крыло.

Девушка в длинном сером свитере подняла голову. Наши взгляды встретились через стекло.

Она показала на своё запястье, затем провела пальцем по горлу.

Я не поняла, что это значит.

Девушка резко отвернулась и смешалась с толпой.

Я закрыла шторы.

Медальон снова стал холодным. В комнате пахло пылью и чем-то сладким, похожим на перезрелую вишню. Я обыскала стол, шкаф, подоконник — ничего. Запах шёл от зеркала.

Не от стекла. Из-под покрывала.

Я не стала его снимать.

Села за стол, раскрыла блокнот и написала: «Леон Арден». Рядом — «знак», «кровь», «голос». Потом добавила: «Дориан».

На последнем имени ручка сама собой продавила бумагу. Чернила расползлись тонкими ветвями.

Я захлопнула блокнот.

Я попыталась составить список того, что знала. Леон Арден — второй курс. Убит в галерее. На стекле был знак. Кто-то или что-то назвало меня по имени. Дориан узнал медальон.

Список получился коротким и бесполезным. Я перечеркнула слово «убит» и написала «найден». Потом перечеркнула и его. От одного глагола ничего не менялось: Леон не мог вернуться, а я не могла притвориться, что не видела его лица.

В детстве я однажды увидела в зеркале женщину, которой не было в комнате. Мне было двенадцать. Я чистила зубы, а за плечом отражения стояла бабушка — хотя она уже несколько месяцев лежала в больнице и не вставала. Я обернулась. В ванной никого. Снова посмотрела в зеркало — бабушка всё ещё стояла, только теперь улыбалась.

Я разбила стакан. Мама прибежала на звон, увидела кровь на моей ладони и сразу накрыла мою руку полотенцем. Она не спросила, что я увидела. Только сняла с шеи медальон и надела на меня.

«Если отражение начинает говорить, не отвечай», — сказала она.

Тогда я решила, что она боится моего воображения. Позже поняла: она боялась не того, что я придумаю. Она боялась того, что может ответить.

Теперь я сидела в комнате Сент-Мортис с порезанной ладонью и отражением, которое знало моё имя. В кармане завибрировал телефон. Мама прислала сообщение: «Ты уже освоилась? Не забывай есть». Я напечатала: «Здесь умер человек». Стерла. Написала: «Мне страшно». Стерла и это.

«Всё нормально», — отправила я.

Сообщение стало последней ложью, которую я смогла выдержать. Телефон погас. Я положила его экраном вниз, чтобы не видеть, как в чёрном стекле на секунду мелькнуло чужое лицо.

Я больше не хотела смотреть в зеркало. Но если отвести глаза, оно всё равно оставалось за спиной. Поэтому я раскрыла блокнот и стала писать, пока пальцы не перестали дрожать. Записала голос, имя, знак, Дориана. Подчеркнула последнее имя дважды, потом вырвала страницу и смяла.

Память — не дверь. Память — ключ.

Фраза с доски вернулась сама собой. Я не знала, к чему она подходит, зато понимала: кто-то оставил её не случайно. И если Дориан искал этот знак раньше, значит, у него был доступ к той же истории, что и у убийцы.

Я захлопнула блокнот.

Из шкафа донёсся сухой стук.

На этот раз я не отвернулась.

Стук повторился. Один. Потом ещё один.

Я подошла к двери комнаты, но открывать не стала. Под покрывалом что-то шевельнулось. Ткань медленно поползла вниз.

Я схватила её, удерживая на месте.

— Нет.

Внутри зеркала раздался выдох.

— Кира…

Я вцепилась в покрывало. На ладони выступила кровь из прежнего пореза. Медальон вспыхнул холодным светом — чёрный камень стал белым, почти прозрачным.

И вдруг все звуки исчезли.

Не стихли. Исчезли.

Ключи дежурного за стеной умолкли. Ветер за окном пропал. Даже моё дыхание растворилось, словно кто-то вырезал его из комнаты.

В тишине я услышала голос Леона:

— Он ищет не убийцу.

Я перестала дышать.

— Тогда кого? — спросила я, и собственный голос прозвучал слишком громко.

Отражение под покрывалом ответило:

— Тебя.

Глава 4. Запертая аудитория

Когда звуки вернулись, я оказалась на полу.

Покрывало лежало рядом. Зеркало было целым. Блокнот оставался раскрытым на столе, и на странице, где я написала имя Дориана, проступила вмятина от ручки.

Я провела по ней пальцем.

На бумаге больше ничего не появилось.

До утра я не спала. Сидела у двери с ножом для писем и слушала, как за стенами медленно просыпается академия. Сначала загудели трубы отопления. Потом внизу хлопнула дверь кухни. Потом трижды прозвучал колокол — так громко, что стекло в окне задрожало.

На третьем ударе я заметила, что медальон снова нагрелся.

В коридоре пахло кофе, сырой шерстью и воском. Дежурный сменился. Женщина в сером платье ждала у лестницы с папкой в руках.

— Мисс Вейл, — сказала она. — После завтрака — ко мне.

— Вы не сказали, где ваш кабинет.

— Восточное крыло. Второй этаж. Дверь с латунной табличкой.

— А если я заблужусь?

— Вас проводят.

— Как в прошлый раз?

— Как будет нужно.

Она развернулась и пошла вниз.

Я не успела спросить, что означало вчерашнее исчезновение звуков. Инспектор не оглянулась.

В столовой студенты уже расселись по группам. Возле окна сидели старшекурсники со значками ключей; за соседним столом — ребята из факультета истории, с воронами на лацканах. Для меня свободным оказалось место в конце длинного стола. Никто не подвинул сумку, когда я подошла.

Я поставила поднос. Овсяная каша успела покрыться плёнкой. Чай пах горелой грушей.

Через два места от меня сидела девушка с короткими медными волосами. Она посмотрела на мой кардиган, потом на медальон.

— Ты Кира, да?

— Кажется.

— Я Серафима. Можно Сера.

Она протянула руку, но тут же убрала её, заметив, что я не тороплюсь пожимать.

— Вчера у нас погиб Леон, — сказала она. — Если не хочется говорить, не надо.

— Я его не знала.

— Это неважно. Всё равно… нехорошо.

За соседним столом кто-то громко фыркнул.

— Она его видела, — сказал светловолосый парень. Тот, который стоял у двери комнаты. — И её кровь нашли на месте.

Сера повернулась к нему.

— Марк, заткнись.

— Я просто напоминаю факты.

— Ты напоминаешь слухи.

Марк пожал плечами и развернул к себе чашку.

— Слухи хотя бы не делают вид, что это забота.

Сера села ближе ко мне. Её плечо почти касалось моего.

— Не слушай его. Марк считает себя главным экспертом по всему, что происходит в академии.

— А ты?

— Я считаю себя экспертом по Марку.

На секунду мне захотелось улыбнуться. Почти получилось.

— Ты знала Леона? — спросила я.

— Немного. Он был… — Сера замялась. — Не из тех, кто заходит в комнату и сразу начинает всем нравиться. Но он всегда замечал, если кто-то оставался один.

— Это редкое качество?

— В Сент-Мортис — да.

Она отломила кусок хлеба и тут же положила обратно. Вид у неё был такой, будто она тоже не спала.

— Его тело унесли ночью, — продолжила она. — Никому не сказали, куда. Декан объявил, что занятия идут по расписанию.

— Разве так делают после убийства?

— Он сказал «несчастный случай».

— Но это был не несчастный случай.

— Ты уверена?

Я посмотрела на неё. Сера не отводила глаз.

— Ты спрашиваешь, потому что тебе важно знать, или потому что хочешь понять, насколько я опасна?

— И то и другое.

Она сказала это без улыбки. Я уважала такую прямоту сильнее, чем доброжелательность.

— Я не знаю, что произошло, — ответила я. — Знаю только, что он был мёртв, а стекло назвал меня по имени.

Сера замерла. Ложка застучала о край её тарелки.

— Какое стекло?

Я не успела ответить. За спиной отодвинули стул.

Дориан поставил поднос рядом, не спросив разрешения. Он снял пальто, повесил его на спинку и сел напротив.

— Давно знакомы? — спросила Сера.

— Нет, — сказала я.

— Уже успел рассказать ей, что ты изучаешь?

— Нет, — снова ответила я.

— А я успела услышать, — сказала Сера.

Дориан посмотрел на неё.

— Что именно?

— Что ты вчера соврал инспектору.

— Я ничего не говорил инспектору.

— Именно.

Он отпил кофе. Костяшки его пальцев были перевязаны. Чёрная линия исчезла под бинтом.

— Тебе нужно поговорить с инспектором, — сказал он мне.

— Она и так собирается.

— Хорошо. Только не рассказывай про голос.

— Почему?

— Потому что у нас нет доказательств, что он существовал.

— Я слышала его.

— Это не доказательство для комиссии.

— А для тебя?

— Для меня этого достаточно.

Я положила ложку. Каша была холодной и слишком сладкой.

— Что значит «достаточно»?

— Значит, я поверю тебе.

Это прозвучало просто. Почти незначительно. Но за соседним столом Марк резко поднял голову, будто услышал.

Сера отвела взгляд к окну.

— Дориан всегда так говорит, когда уже решил что-то скрыть, — сказала она.

— Ты можешь не комментировать каждое моё слово?

— Могу. Но не буду.

Я посмотрела на них обоих.

— Вы друзья?

— Нет, — одновременно сказали они.

В этом совпадении оказалось что-то настолько утомительное, что я чуть не рассмеялась. Смех поднялся к горлу, но там застрял.

После завтрака инспектор Вейл действительно ждала меня в кабинете с латунной табличкой. В комнате пахло чаем, пылью и мокрым камнем. На столе лежал тот самый пакет с осколком. Рядом — несколько фотографий галереи.

— Садитесь, — сказала инспектор.

Я села.

— Дориан сообщил, что вы были рядом, когда нашли Леона.

— Это уже спрашивали.

— Я не спрашиваю, что он сказал. Я спрашиваю, что произошло.

Я посмотрела на фотографии. На одной была дверь галереи, на другой — тело, на третьей — витраж. Витраж выглядел обычным: цветные стёкла, пыль, несколько трещин у нижнего края.

— Я услышала звук. Дориан пошёл проверить. Я пошла за ним.

— Почему?

— Потому что мне сказали остаться. Я обычно делаю наоборот.

— Это должно было быть шуткой?

— Нет.

Инспектор не улыбнулась.

— Вы видели, как Леона убили?

— Нет.

— Видели кого-нибудь рядом с ним?

Я хотела сказать «нет». Но перед глазами снова возникла тень за витражом — не человеческая, не похожая на лицо. Я вспомнила слова Леона: «Он ищет не убийцу. Он ищет тебя».

— Не знаю, — сказала я.

— Это значит «нет» или «не хотите отвечать»?

— Это значит, что я не уверена, что видела человека.

Она положила ручку на стол.

— В академии есть несколько видов магических следов. Одни остаются на предметах, другие — на тех, кто их касается. На вашей манжете нашли вашу кровь, но на осколке — след, похожий на ваш. Пока мы не знаем, как он туда попал.

— Может, потому что я порезалась?

— След не похож на обычную кровь.

Я сжала ладони под столом.

— Что это значит?

— Пока ничего.

— Тогда зачем вы мне это говорите?

— Чтобы вы понимали: я не обвиняю вас. Но я не могу исключить, что кто-то использовал вашу кровь.

— Для чего?

— Не знаю.

Слова «не знаю» почему-то звучали в этом кабинете честнее, чем у Дориана.

Инспектор собрала фотографии в ровную стопку.

— Вы состоите в каком-нибудь тайном обществе? Есть ли у вас родственники, связанные с запрещёнными практиками?

— Нет.

— Вы когда-нибудь теряли контроль над своей магией?

Внутри всё сжалось.

Я посмотрела на её лицо. Ни осуждения, ни любопытства. Только ожидание.

— Нет.

Ложь легла между нами тяжело и ровно.

Инспектор не стала её поднимать.

— Если вспомните что-нибудь, приходите ко мне. Не к декану, не к Дориану. Ко мне.

— Почему не к Дориану?

— Потому что я отвечаю за расследование.

— А он?

— Он отвечает за собственные интересы.

Я подумала о его взгляде на медальон.

— Вы ему не доверяете?

— Я никому здесь не доверяю полностью.

Она сказала это спокойно, и именно поэтому я поверила.

Когда я вышла, коридор показался длиннее, чем утром. На стене висел список занятий. Рядом кто-то прикрепил новый лист: «Собрание студентов перенесено. Посещение северного крыла запрещено».

Ниже маркером написали: **Убийца среди нас**.

Я провела пальцем по буквам. Чернила уже высохли.

В конце коридора стоял Дориан. Он держал книгу под мышкой и делал вид, что читает расписание.

— Ты подслушивал? — спросила я.

— Нет.

— Тогда почему ждёшь?

— Хотел узнать, как прошло.

— Плохо. Она сказала, что тебе нельзя доверять.

— Она сказала это тебе?

— Нет. Я догадалась.

— У тебя это хорошо получается?

— Нет. Но иногда мне везёт.

Мы пошли по коридору рядом. Он не спрашивал, что я рассказала. Я не спрашивала, зачем он соврал. Между нами тянулась тишина, и каждый шаг делал её чуть менее неловкой.

— Ты сказал, что научишь меня не отвечать отражениям, — напомнила я.

— Не обещал. Предложил.

— Тогда предложи ещё раз.

Он остановился у окна. За стеклом на внутреннем дворе начинался дождь. Капли бежали по стеклу тонкими извилистыми линиями. В каждой на мгновение возникало лицо, но, когда я всматривалась, оставалась только вода.

— Не здесь, — сказал Дориан. — В старой аудитории.

— Где это?

— За библиотекой. Её закрыли после обвала.

— Почему?

— Потому что потолок может упасть.

— А если он не упадёт?

— Тогда мы будем выглядеть глупо.

— Ты не умеешь успокаивать.

— Я стараюсь не обещать того, чего не могу выполнить.

В его словах было что-то неприятно похожее на заботу.

Мы миновали лестницу, где два младших студента пытались снять со стены объявление о переносе занятий. Бумага была приколота четырьмя металлическими гвоздями, но один уже вырвали. На обороте проступала красная полоса — будто лист провели по свежей царапине.

— Не трогай, — сказал Дориан, когда я протянула руку.

— Я и не собиралась.

— Ты уже наклонилась.

— Я хотела прочитать, что там написано.

— Все уже прочитали.

На листе было только официальное распоряжение: северное крыло закрыто до особого уведомления. Но поверх печати кто-то оставил карандашную приписку: «Сначала закрыли двери. Потом начали искать виноватых».

Я не спросила, кто написал. Дориан тоже не стал гадать. Он снял с гвоздя обрывок бумаги, сложил пополам и спрятал в книгу.

— Это улика? — спросила я.

— Пока только чужое мнение.

— И ты собираешь такие мнения?

— Я собираю всё, что может оказаться правдой.

— Тогда почему не собрал ответы на мои вопросы?

— Потому что ответы могут оказаться опаснее вопросов.

Мы прошли мимо читального зала. За высокими окнами люди сидели в тишине над раскрытыми книгами. Ни один не поднимал головы, но я знала: нас заметили. В Сент-Мортис тишина никогда не означала, что тебя не слушают.

У двери в библиотеку стояла Сера. Она держала стопку тетрадей и смотрела на нас так, словно мы опоздали на встречу, о которой никто не договаривался.

— Куда вы идёте? — спросила она.

— На занятие, — ответил Дориан.

— В закрытое крыло?

— Ты не видела нас.

— Я вас вижу.

Она перевела взгляд на меня. В её руке была тонкая карточка читателя, на обороте которой красовалось знакомое кольцо с чертой.

— Это было у Леона, — сказала Сера. — Я нашла в книге, которую он оставил в библиотеке. Не знаю, что значит знак. Но на карточке написано время: «после второго колокола».

Дориан протянул руку, но Сера не отдала карточку.

— Сначала скажите, зачем она нужна.

— Чтобы понять, куда ходил Леон перед смертью, — сказал он.

— А если вы собираетесь влезть туда, куда нельзя, я не хочу, чтобы вас поймали с моей находкой.

— Никто не должен знать, что ты её нашла, — сказала я.

— Именно. Поэтому я пока держу её у себя.

Сера посмотрела на меня внимательнее.

— Ты правда слышала его голос?

— Да.

Она не стала спрашивать, как. Только положила карточку мне в ладонь. Бумага оказалась холодной и сухой. Чёрная линия на обороте расплывалась у краёв, будто её рисовали мокрой кистью.

— Если увидишь ещё что-нибудь, — сказала Сера, — не оставайся одна.

— Это ты о Дориане?

— О ком угодно. Даже о нём.

Она ушла в библиотеку, оставив нас у двери. Дориан посмотрел на карточку, но не взял её у меня.

— Она тебе доверяет? — спросил он.

— Нет. Она решила, что мне нужен выбор.

— Умно.

— А ты так умеешь?

Он не ответил. Мы свернули к северной лестнице.

Пока мы поднимались, из стены донёсся глухой стук. Я остановилась. На камне не было ни двери, ни трещины. Только старый гобелен, изображавший лес без листьев.

— Это трубы? — спросила я.

— Наверное.

— Ты часто отвечаешь «наверное»?

— Только когда не знаю.

— Тогда это честнее, чем «не должно».

Дориан коротко взглянул на меня.

— Учту.

На втором пролёте лестницы было темнее. Я задела рукавом каменный выступ и почувствовала, как медальон откликнулся холодом. Карточка в ладони потеплела. На ней выступила новая строка: «Не приходи один».

Я показала её Дориану.

— Это было раньше?

— Нет.

— Она пишет сама?

— Похоже.

— Сначала голос в зеркале. Теперь записки на бумаге. У вас здесь всегда так скучно?

— Обычно скучнее.

Он поднял карточку к свету. Чернила проступили ещё ярче, а на обратной стороне показался номер аудитории: семь.

— Семь — это наша? — спросила я.

— Старая аудитория семь.

— Значит, кто-то хочет, чтобы мы пришли.

— Или предупреждает, чтобы мы не пришли.

— Разница?

— Иногда только в том, кто оставил записку.

Дориан отступил от стены, словно дал мне решить самой. Я могла развернуться и отнести карточку инспектору. Но она уже ждала от меня объяснений, а я пока не понимала, что именно

должна объяснить. Я могла вернуться в комнату и запереться до утра. Но после слов Леона «он ищет тебя» запертая дверь казалась не защитой, а приглашением.

— Пойдём, — сказала я.

— Ты уверена?

— Нет. Но я не собираюсь позволять академии решать за меня, что я видела.

— Хорошо.

— Это не значит, что я доверяю тебе.

— Я понял.

— И не значит, что я согласна на твою сделку.

— Я понял и это.

— Перестань так быстро понимать. Это раздражает.

— Постараюсь.

— Снова «постараюсь».

— Тогда не буду.

Мы продолжили подниматься. На площадке над нами стоял человек. Я увидела только подол тёмного пальто и белую руку, лежавшую на перилах. Когда мы подняли головы, площадка оказалась пустой.

Дориан не стал говорить, что там никого не было. Он просто достал из кармана маленький колокольчик и держал его в ладони, пока мы поднимались.

— Ты носишь с собой колокольчик? — спросила я.

— Он помогает отделять звук от его следа.

— Звучит как вещь, которую придумал человек, не умеющий объяснять.

— Вероятно.

Аудитория находилась за северной лестницей, в крыле, куда запрещали заходить. Мы дождались, пока мимо пройдёт дежурный, и свернули за старый гобелен. За ним обнаружилась дверь с замочной скважиной, затянутой паутиной.

— Ты говорил, что никогда здесь не был, — сказала я.

— Я говорил, что не знал о проходе за шкафом.

— Это не одно и то же.

— Ты запоминаешь мои слова.

— Они часто оказываются полезнее твоих объяснений.

Дориан достал тонкую металлическую пластину. Поддел замок. Тот щёлкнул не сразу; на третьей попытке дверь открылась.

В аудитории стоял холод. Пахло мокрой известью и мышами. Парты были сложены к стенам. На полу белели следы старого мела, а на дальней доске виднелся круг с вертикальной чертой — такой же знак, как на стекле.

Я вошла первой. На парте у окна лежала чужая перчатка, вывернутая наизнанку. На доске под пылью были свежие следы пальцев. Карточка в моей руке нагрелась так, что я едва не уронила её.

Кто-то уже был здесь.

И ушёл не через дверь.

Я остановилась у доски.

— Ты привёл меня к нему.

— Я хотел проверить, связан ли он с тем, что произошло в галерее.

— Почему не сказал?

— Потому что ты бы не пошла.

— Верно.

— Я не собирался заставлять тебя.

— Но всё-таки привёл.

Он не спорил.

Я прошла внутрь. На доске над кругом остались бледные буквы: **Память — не дверь. Память — ключ.**

— Это ты написал?

— Нет.

— Кто?

— Не знаю.

— У тебя много такого.

— Что именно?

— Ты приходишь с вопросами, на которые сам не знаешь ответов, и ждёшь, что я помогу.

— Я не жду.

— Тогда зачем я здесь?

Дориан посмотрел на круг. Его лицо отразилось в тёмном стекле окна, но отражение запоздало на один удар сердца.

Я заметила это раньше него.

— Не смотри в окно, — сказала я.

Он повернулся. Отражение повернулось следом, почти одновременно.

— Почти, — прошептал он.

— Что?

— Задержка. У зеркального следа есть собственный ритм.

— И что мы с этим делаем?

— Ищем, что он повторяет.

Я подошла ближе к доске. На меловой линии остались тёмные вкрапления. Не кровь — засохшая ржавчина, или что-то очень на неё похожее.

— Ты хочешь, чтобы я прикоснулась?

— Нет.

— Но без меня не получится?

— Возможно, получится. Я пока не проверял.

— Значит, не проверяй на мне.

— Не буду.

Он сказал это мгновенно. Я заметила, что он даже не задумался.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда начнём с того, что ты объяснишь, чего добиваешься.

Дориан отвернулся к окну.

— Я хочу понять, кто оставил след.

— Это не всё.

— Нет.

— Что ещё?

— Я пока не могу сказать.

— Тогда я не могу тебе помочь.

Он долго молчал. По стеклу ползли капли. Одна остановилась на уровне его глаза, будто приклеилась к отражению.

— Если я скажу, ты уйдёшь.

— Возможно.

— Поэтому я молчу.

— Это не делает меня глупой.

— Я не думаю, что ты глупая.

— Ты думаешь, что меня можно использовать, если не сообщить все условия.

— Нет.

— Тогда скажи правду.

Он положил книгу на ближайшую парту. Обложка была тёмно-синей, без названия. На уголке виднелся знак ключа.

— Я получил письмо перед началом семестра, — сказал он. — В нём было сказано, что в Сент-Мортис появится человек, способный видеть то, чего другие не видят.

— И ты решил искать этого человека?

— Да.

— Потому что сам не можешь?

— Да.

— Кто написал письмо?

— Не знаю.

— Оно было подписано?

— Нет.

— И ты решил, что это не ловушка?

— Я решил, что не могу позволить себе игнорировать его.

— Это почти то же самое, что поверить.

— Может быть.

— А моё имя там было?

Он посмотрел на меня. Достаточно долго, чтобы ответ стал понятен раньше слов.

— Да.

Я отступила от доски.

— Ты знал, что я приеду.

— Я знал, что должна приехать девушка с таким именем.

— И всё равно решил познакомиться со мной в коридоре, будто мы случайно встретились.

— Я не знал, что это будешь ты.

— Удобно.

— Я не знал, как ты выглядишь.

— Но ты знал моё имя.

— Да.

Мне хотелось уйти. Ноги даже повернулись к двери. Но на доске круг с чертой казался слишком похожим на знак, вспыхнувший под моей кровью.

— Ты искал меня, — сказала я.

— Я искал того, кто может помочь найти источник этого следа.

— Я не обещала тебе помогать.

— Не обещала.

— И я не собираюсь быть приманкой.

— Я не прошу.

— Пока.

Дориан опустил голову. На секунду в нём не осталось ни загадочности, ни уверенности. Только мальчик, который получил письмо и слишком поздно понял, что оно привело его к живому человеку.

Я могла бы уйти.

Вместо этого подошла к доске и остановилась в шаге от круга.

— Я хочу проверить одну вещь, — сказала я. — Не касаясь знака.

— Хорошо.

— Если я скажу «стоп», ты сразу остановишься.

— Да.

— Не трогай меня без разрешения.

— Хорошо.

— Не используй мою кровь.
— Обещаю.
— Не скрывай от меня ничего, что может поставить меня под удар.
Дориан помедлил.
— Я постараюсь.
— Это не обещание.
— Это всё, что могу сказать сейчас.
— Тогда у нас нет сделки.
За дверью щёлкнул замок.
Дориан резко обернулся.
Кто-то запер аудиторию снаружи.
Затем в коридоре послышались неторопливые шаги. Они остановились у самой двери.
— Дориан, — произнёс знакомый голос инспектора Вейл. — Отойди от доски.
На меловом круге сам собой вспыхнул тонкий красный ободок.
Я почувствовала, как под кожей просыпается жар.
— Кира, — сказал Дориан, не отводя взгляда от двери. — Не двигайся.
С той стороны раздался удар.
А затем доска за моей спиной прошептала:
— Поздно.

Глава 5. Круг и ключ

— Поздно.

Слово будто упало на пол и покатилось к нам, набирая скорость.

Я повернулась к доске. Красный ободок вокруг мелового круга стал ярче. Внутри него зашевелились тени, хотя в аудитории не было ни свечей, ни сквозняка. Они складывались в буквы, распадались и собирались снова.

Дориан шагнул ко мне, но остановился, не коснувшись.

— Не подходи к кругу.

— Он уже здесь.

— Пока только на доске.

— Это должно успокаивать?

— Нет.

За дверью снова ударили. На этот раз по дереву прошёлся короткий скрежет, словно кто-то провёл ключом вдоль замка.

— Дориан! — голос инспектора Вейл звучал уже не так уверенно. — Отойди от круга. Сейчас.

Он посмотрел на дверь, потом на доску.

— Это точно она? — спросила я.

— Не знаю.

— Ты не можешь отличить голос человека от его следа?

— Если голос настоящий — могу. Если кто-то переносит его через остаток памяти, нет.

— Но ты сказал, что учишься изгонять сущности.

— Я учусь. Это не значит, что умею всё.

Круг вспыхнул. Красная черта прошла по доске и остановилась у края. Я почувствовала её на своей коже — не ожогом, а тонкой стяжкой вокруг запястья. Медальон повис на груди тяжелее обычного.

— Кира, — прошептала доска. — Подойди.

Я отступила.

Дориан достал колокольчик. Маленький, потемневший, с едва заметной трещиной на боку.

— Когда я ударю, не смотри на доску. Смотри на меня.

— А если ты тоже начнёшь говорить чужим голосом?

— Тогда не верь мне.

— Отличный план.

— Я не обещал, что будет хороший.

— Ты вообще когда-нибудь обещаешь что-то нормальное?

— Редко.

Он качнул колокольчик, но не ударил. Внутри него что-то тихо звякнуло само собой. Ответом стал второй удар — с доски, изнутри красного кольца.

Чужой голос повторил:

— Поздно.

Дориан поднял руку. Я увидела, как тёмная полоса на его ладони проступила сквозь бинт. Он разжал пальцы и провёл большим по металлу колокольчика.

— Что ты делаешь?

— Ищу исходный звук.

— Он у доски.

— Там только эхо. Источник где-то ещё.

— А если источник прямо за дверью?

Он взглянул на меня. Его глаза на мгновение стали почти чёрными.

— Тогда мы не открываем.

Ручка двери дёрнулась вниз.

Красная линия на доске сорвалась с места и потянулась к нам по воздуху. Не по поверхности — над ней. Как живая нить. Я знала, что нужно отойти, но ноги приросли к полу. Линия обвилась вокруг запястья Дориана.

Он резко вдохнул.

— Не трогай её, — сказал он.

— Я и не…

Нить потянула его к кругу. В тот же миг моя кровь отозвалась. Старый порез на ладони снова раскрылся. Тёплая капля упала на пол.

Красная линия остановилась.

Её конец повернулся ко мне.

— Нет, — прошептала я.

Она потянулась дальше.

Дориан перехватил её голой рукой. Бинт почернел. Его колокольчик звякнул — не громко, но звук рассёк аудиторию пополам. Тени дёрнулись. На доске проступило чужое лицо: не Леон, не инспектор. Просто гладкое пятно, где должны быть глаза.

Я почувствовала, как в голове вспыхнуло видение: класс без мебели, красные занавеси, мокрый след на полу. Кто-то стоит у окна и держит в руках длинную стеклянную полоску. Лица не разглядеть. Запах — железо и горький дым.

Потом всё исчезло.

Я шатнулась. Дориан отпустил нить и поймал колокольчик, который выпал у него из руки.

— Ты видела что-то?

— Окно. Человека. Стекло.

— Лицо?

— Нет.

— Что он делал?

— Не знаю. Он стоял.

— Кира, ты уверена?

— Я сказала, что видела.

Он не стал задавать следующий вопрос. Просто опустил колокольчик и посмотрел на мою ладонь.

— Кровь?

Я спрятала руку.

— Порез открылся.

— Это было не случайно.

— Я знаю.

— Круг отреагировал на тебя.

— Не говори так, словно я сама его нарисовала.

— Я не это имел в виду.

— А что?

— Что он тебя узнал.

На доске круг сжался. Красный ободок стал тонкой полосой, а потом исчез. Из коридора донёсся стук.

— Дориан, открой. Это Элиан.

На этот раз голос звучал живым. Сердитым и усталым. Настоящим.

Дориан провёл пальцами по рукояти колокольчика.

— Я проверю.

— Как?

— Не отвечая ей.

Он подошёл к двери и прижался ухом к дереву. Снаружи кто-то дышал. Потом раздался знакомый скрип папки, которую инспектор всегда носила под мышкой.

Дориан открыл не сразу. Сначала провёл колокольчиком по замку. Металл едва слышно коснулся металла.

— Это я, — сказала инспектор. — Отойди от двери.

Он повернул ключ.

Элиан вошла одна. На её рукаве темнела пыль, а волосы выбились из причёски. Она быстро оглядела аудиторию, доску, наши руки.

— Что произошло?

— Дверь заперлась, — сказал Дориан.

— Не заперлась. Её закрыли снаружи.

— Кем?

— Если бы я знала, не спрашивала бы.

Её взгляд остановился на красном кольце, почти стёртом с доски.

— Оно было ярче, — сказала я.

— Кто нарисовал круг?

— Не знаю, — ответил Дориан.

— Ты здесь часто бываешь?

— Нет.

— Пластина у тебя?

— Какая пластина?

Инспектор прищурилась.

— Не играй со мной.

— Я не играю.

Она перевела взгляд на меня.

— Вы оба вернётесь в общежитие. Дальше в северное крыло не ходить. И до разговора с деканом не покидать корпус.

— Это приказ? — спросила я.

— Это возможность не стать следующей уликой.

В коридоре за её спиной мелькнула тень. Инспектор не заметила. Дориан заметил. Он едва заметно повернул колокольчик в ладони.

— Там кто-то есть, — сказала я.

Элиан развернулась. Коридор был пуст.

— Никого нет.

— Я видела.

— Ты уверена?

— Да.

Инспектор долго смотрела на меня, затем шагнула к двери. На каменном полу лежала тонкая полоска стекла. В ней отражалось окно, которого не было в коридоре.

Дориан поднял её платком.

— Не трогай, — сказала Элиан.

— Я уже тронул.

— Тогда хотя бы не ломай.

Он завернул осколок и убрал в карман.

— Вы всё время так делаете? — спросила я. — Забираете то, что нельзя трогать?

— Только если оно может исчезнуть, — ответил он.

— А если оно может быть уликой?

— Тогда особенно.

Инспектор устало закрыла глаза.

— Дориан, ты не помогаешь.

— Я не пытаюсь.

Она проводила нас до лестницы. У двери общежития остановила меня.

— Вейл. Не оставайтесь с ним наедине.

— Поздно.

— Это не шутка.

— Я поняла.

— Нет. Пока ещё нет.

Она ушла в сторону кабинета декана, а мы с Дорианом остались на площадке. На моём запястье белел тонкий красный след, хотя нить никогда не касалась кожи.

— Что ты увидела? — спросил он.

— Человека у окна.

— Это мог быть Леон?

— Не знаю.

— Ты сказала, что видела стекло.

— Да.

— Может, это был тот самый осколок.

— А может, нет.

— Ты всегда так отвечаешь?

— Когда ничего не знаю — да.

Он кивнул, не споря.

В тот момент дверь моей комнаты тихо щёлкнула. Я точно помнила, что заперла её.

Дориан приподнял ладонь, останавливая меня.

— Не открывай.

— Может, это дежурный.

— Дежурные стучат.

Из комнаты донёсся шорох бумаги.

На пороге лежал конверт. Никто его не положил. Он возник, пока мы смотрели на дверь.

На лицевой стороне аккуратным почерком было написано моё имя.

На обороте — красный круг с вертикальной чертой.

И под ним одно слово: «Завтра».

Глава 6. Правила тишины

К утру конверт исчез.

Я не спала, но всё равно не заметила, когда это случилось. Положила письмо на стол, не вскрывая, села на край кровати и смотрела на него до тех пор, пока буквы не стали расплываться. Потом выключила свет. Потом снова включила. Конверт лежал там же.

Когда пришла Сера с чашкой чая, его уже не было.

— Ты выглядишь так, будто проиграла спор с зеркалом, — сказала она.

— Оно нечестно играло.

— Значит, проиграла.

Я не рассказала ей про конверт. Не потому, что не доверяла. Просто у меня не было доказательства, что он существовал. В Сент-Мортис это начинало казаться важным различием.

Сера поставила чай на стол и оглядела комнату. Увидела покрывало на шкафу, бинт на моей ладони, разбросанные тетради.

— Что случилось?

— Пыталась поспать.

— Неубедительно.

— Ты пришла меня допрашивать?

— Нет. Я принесла расписание. Декан отменил первую пару, но оставил общую проверку по истории магических дисциплин. Он считает, что если нагрузить студентов тестами, никто не будет думать об убийстве.

— Работает?

— Нет.

Я отпила чай. Он был слишком горячим. Я обожгла язык и не стала ругаться.

— Инспектор сказала не ходить с Дорианом, — произнесла Сера.

— Ты подслушивала?

— В этой академии стены подслушивают за нас. Я просто оказалась рядом.

— Ты ему не доверяешь.

— Я ему верю, когда он говорит, что не знает ответа. И не верю, когда он говорит, что ничего не скрывает.

— Он не говорил, что ничего не скрывает.

— Вот поэтому я ему и не верю.

Сера села у окна. Снаружи двор казался вымытым дождём. На дорожке стояла лестница, но рабочих не было. Над оранжереей свисала ветка, покрытая бледными бутонами. Она выглядела мёртвой, пока на одном цветке не дрогнула капля.

— Ты знала Леона лучше, чем сказала? — спросила я.

— Не настолько хорошо, чтобы понимать, почему он погиб.

— Я не спрашиваю о смерти.

Она долго молчала.

— Он однажды помог мне пройти через закрытый архив. Я забыла там тетрадь, а библиотекарь собиралась закрыть крыло. Леон вернулся за ней. Он всегда находил обходной путь. Не самый правильный, зато рабочий.

— Почему ты не сказала об этом инспектору?

— Потому что она могла решить, что я ему помогала в ночь убийства. А я была в общежитии.

— Ты уверена?

— Я спала. Соседка подтвердит.

— У тебя есть соседка?

— В комнате напротив. Я слышала, как она всю ночь ругалась на батарею.

Это было правдоподобно. Не доказательство, но человеческий звук: кто-то ругался на холод, пока рядом умирал другой человек.

— Ты считаешь, что Дориан убил Леона? — спросила я.

Сера подняла глаза.

— Нет. Я считаю, что он пришёл сюда за чем-то, что связано с тобой. А теперь хочет убедить себя, что всё остальное — случайность.

— Он сказал про письмо.

— Уже?

Я посмотрела на неё.

— Значит, ты знала.

— Не всё. Только что ему пришло письмо до семестра. Он спрашивал меня, не видела ли я странных конвертов в канцелярии.

— Почему ты не сказала раньше?

— Потому что не хотела подбрасывать тебе ещё одну причину бояться его.

— Ты могла спросить меня самой.

— Могла. Не спросила.

Она опустила взгляд на чай. Я не стала защищать её. Мне тоже хотелось многое не спрашивать, пока ответ не успел испортить день.

— Сера, — сказала я. — Если ты что-то знаешь, говори. Даже если это сделает хуже.

— А если я не знаю, что именно знаю?

— Тогда скажи это.

Она кивнула.

— Хорошо.

На двери висело новое распоряжение: всем студентам явиться в большой зал к десяти. Я натянула кардиган поверх платья, завязала банты на чулках заново и проверила медальон. Камень был тёмным, почти чёрным.

В большом зале стояли длинные столы. На стене за кафедрой висели портреты выпускников, и каждый мужчина на них был изображён с одинаково уверенным подбородком. Декан Рен поднялся на помост.

— Вчерашнее происшествие расследуется, — сказал он. — До завершения проверки академия продолжит занятия в обычном режиме. Просьба не распространять слухи и не посещать закрытые помещения.

— А что случилось? — громко спросил кто-то из задних рядов.

— Несчастный случай.

По залу прошёл шорох.

Я посмотрела на инспектора Вейл. Она стояла у боковой стены, сложив руки. Её лицо ничего не выражало.

— Кто-нибудь ещё хочет задать вопрос? — спросил декан.

Марк поднял руку.

— Правда, что кровь на месте принадлежит новой студентке?

В зале стало тихо.

Декан не ответил сразу. Его пауза прозвучала как признание.

— Ведётся проверка материалов.

— Значит, правда, — сказал Марк.

— Достаточно, — произнесла инспектор.

— Почему? Мы же все должны быть осторожны. Вдруг она опасна.

Я почувствовала, как десятки глаз повернулись ко мне. Пальцы Серы коснулись моего локтя, но она не стала тянуть меня к себе или прикрывать. Просто была рядом.

— Я не опаснее тебя, Марк, — сказала я.

Он улыбнулся.

— Это мы ещё выясним.

— Нет, — сказала инспектор. — Не выясним. Не здесь.

Она поднялась на помост. Декан уступил ей место.

— Любые разговоры о виновности студентов до окончания расследования будут расцениваться как давление на свидетелей. Это касается и публикаций, и анонимных записок, и личных угроз.

В этот момент один из экранов у стены ожил. Там обычно показывали расписание. Теперь на белом фоне возникла фотография галереи: пустая, вымытая, без следов. Поверх неё кто-то написал: **КРАСНАЯ ДЕВОЧКА**.

Сера выругалась.

Декан обернулся к экрану. Изображение мигнуло, погасло и снова показало расписание.

— Разойдитесь по занятиям, — сказал он.

Никто не двинулся.

В коридоре студенты уже пересылали фото друг другу. Марк стоял у двери и делал вид, что не знает, кто его выложил. Я подошла к нему.

— Ты это сделал?

— Что именно?

— Показал фотографию.

— У меня даже нет доступа к экрану.

— Но у тебя есть телефон.

— Как у всех.

— И ты был в галерее.

— Я не был.

— Ты сказал, что видел меня рядом с телом.

— Я сказал, что слышал. Все слышали.

— Ты внимательно следишь за тем, что происходит вокруг меня.

Марк улыбнулся уже без веселья.

— Потому что ты сама привлекаешь внимание.

Я хотела ответить, но Дориан появился между нами. Он не встал вплотную и не заслонил меня полностью — оставил мне пространство.

— Марк, — сказал он. — Если хочешь обвинить её, сделай это при инспекторе.

— Я никого не обвиняю.

— Тогда перестань разносить фотографии.

— Это не я.

— Тогда тебе нечего бояться проверки.

Улыбка Марка исчезла.

— Ты не обязан её защищать.

— Я и не защищаю.

— Конечно. Просто стоишь рядом и смотришь так, будто собираешься убить каждого, кто с ней заговорит.

Дориан наклонил голову.

— Ты правда хочешь проверить, насколько это выглядит убедительно?

Марк отошёл.

— Вы оба странные.

— Да, — сказала я. — Но хотя бы не скрываем этого.

Я ушла прежде, чем он успел ответить. На лестнице Дориан догнал меня.

— Ты не обязана была вступаться за меня.

— Я не вступалась. Я хотела узнать, что он знает.

— И узнала?

— Что он боится проверки.

— Этого мало.

— Пока.

Он не улыбнулся, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Инспектор хочет поговорить с нами порознь.

— Хорошо.

— Ты не должна рассказывать про видение.

— Почему?

— Потому что она запишет, что ты могла повлиять на сцену преступления магией.

— Я и могла.

— Ты не знаешь, могла ли.

— Ты тоже не знаешь.

— Именно. Не давай ей повод решить за тебя.

— А ты сам решил бы?

— Нет.

— Ты уже решил, что я не убийца.

— Да.

— Почему?

— Потому что круг на доске среагировал на тебя, но не подчинился. Если бы ты его создала, он бы не пытался тебя втянуть.

— А если убийца хотел, чтобы он меня втянул?

Дориан остановился. Его лицо стало внимательным.

— Это возможно.

— Значит, ты не знаешь.

— Не знаю.

— Хорошо.

В его тишине было больше доверия, чем в уверенных заверениях. Я впервые подумала, что могла бы привыкнуть к нему, если бы он не давал для этого столько причин опасаться.

Инспектор вызвала меня первой. Её кабинет оказался теснее, чем казался снаружи. На стене висели часы, которые отставали на семь минут. Я заметила это, потому что смотрела на них, пока она задавала вопросы.

— Вчера вы вошли в закрытое крыло без разрешения, — сказала она.

— Да.

— С Дорианом.

— Да.

— Вы увидели на доске символ?

— Да.

— Прикасались к нему?

— Нет.

— Он заговорил?

Я замерла.

— Кто?

— Не притворяйтесь.

— Я не знаю, что вы имеете в виду.

Инспектор положила на стол лист с моим именем. Почерк был тот же, что на конверте. Под именем — знак круга.

— Это нашли у вас?

— Нет.

— Где?

— Под дверью аудитории.

— Кто его оставил?

— Не знаю.

— Вы были там.

— Значит, могли оставить вы.

Она не ответила. Лист был сухим, без крови и отпечатков.

— Вы думаете, что я опасна? — спросила я.

— Я думаю, что кто-то пытается убедить нас в этом.

— А вы ему верите?

— Нет. Но я не могу игнорировать доказательства только потому, что они выглядят слишком удобными.

— И что вы собираетесь делать?

— Пока держать вас под наблюдением.

— Вы верите, что я не убивала Леона?

— Я верю, что вы не сказали мне всего.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Я вышла из кабинета с ощущением, что весь разговор был похож на дверь, которую приоткрыли ровно настолько, чтобы показать замок.

Дориан ждал у лестницы.

— Как прошло?

— Она думает, что я не сказала ей всего.

— Ты сказала?

— Конечно.

— Что именно?

— Ничего.

— Это тоже правда?

— Нет.

Он отвёл взгляд. На мгновение я пожалела, что ответила так резко. Но жалость не была причиной отдать ему больше, чем он отдал мне.

— Я не прошу тебя доверять мне, — сказал он. — Только дать шанс доказать, что я не собираюсь использовать тебя.

— А письмо?

— Я рассказал, что оно было.

— Ты не рассказал, почему не отдал его инспектору.

— Потому что оно исчезло.

— Исчезло?

— После первого чтения. Я оставил его в комнате, а утром лист был пустым.

— И ты решил, что это нормально?

— Я решил, что это относится к делу.

— Всё, что касается тебя, относится к делу, — сказала я.

— Возможно.

— Ты постоянно искал человека, который видит следы. Теперь нашёл меня. В галерее умер Леон, а в аудитории появился знак. Слишком много совпадений.

— Я знаю.

— Тогда почему ты всё ещё не говоришь, чего хочешь?

— Потому что пока не понимаю, чего хочу.

Я посмотрела на него. Он не отвёл глаз.

— Это честно, — сказала я. — Но недостаточно.

— Я понимаю.

— Тогда у нас будут правила.

— Слушаю.

— Никаких прикосновений без разрешения. Никакой моей крови. Если ты узнаешь что-то, что может навредить мне, ты говоришь сразу. Я тоже расскажу, что увижу, но не буду показывать тебе всё, что происходит у меня в голове.

— Согласен.

— И если я скажу «стоп», ты остановишься.

— Да.

— Ты помогаешь мне не дать академии повесить на меня убийство. Я помогаю тебе искать того, кто убил Леона. Не потому, что верю тебе, а потому что сама хочу знать правду.

— Согласен.

— Это не дружба.

— Я не просил.

— И не обещание, что я не уйду.

— Я понял.

— Перестань понимать.

— Постараюсь.

— Ты невозможен.

— Это уже лучше, чем опасен.

Я протянула руку не для пожатия, а чтобы показать на ней порез.

— Это будет наш договор. Пока порез не затянется, никаких экспериментов.

— А когда затянется?

— Тогда посмотрим.

Он посмотрел на мою ладонь, но не коснулся.

— Договорились.

В этот момент из кабинета инспектора вышла Сера. Она несла старую книгу с порванным корешком.

— Я нашла кое-что, — сказала она. — В каталоге Леона есть запись о книге, которую он никогда не возвращал. Но её отметили как сданную за день до его смерти.

— Как называется? — спросил Дориан.

Сера посмотрела на меня.

— «Анатомия отражений». И её забрали из закрытого фонда.

Из дальнего коридора донёсся второй удар колокола.

Потом третий.

Мы одновременно взглянули на часы.

Они показывали десять утра.

Но в академии колокола прозвучали так, будто где-то наступила полночь.

Глава 7. Анатомия отражений

Колокола ударили ещё раз — уже один, низко и глухо.

Зал опустел не сразу. Несколько студентов замерли у дверей, ожидая, что декан объяснит, почему обычное расписание вдруг звучит как ночная тревога. Но декан не поднялся на помост. Инспектор Вейл вышла из боковой двери и направилась к лестнице, не оглядываясь.

— Они не должны были звонить, — сказала Сера.

— Кто? — спросила я.

— Колокола. В обычные дни они отмечают пары. Сейчас занятий нет.

— Может, кто-то проверяет механизм.

— В старой башне механизм не проверяли лет двадцать.

Дориан взглянул на неё.

— Откуда ты знаешь?

— Я однажды заблудилась в подвале. Там есть схема проводки и список того, что отключено. Колокольня указана отдельно.

— Значит, это не механизм.

— Я этого не говорила.

— Но подумала.

Сера сдвинула стопку книг в руках.

— Если хотите идти в закрытый фонд, сейчас лучшее время. Все смотрят на башню.

— Ты пойдёшь с нами? — спросила я.

— Нет. Моя карточка нужна вам, а не мне. Я останусь у читального зала и прослежу, кто войдёт.

— Это опасно.

— Здесь всё опасно. По крайней мере, у меня будет возможность уйти.

Она отдала мне карточку Леона. Картон у края размок, хотя дождь не попадал на него. На обороте всё ещё виднелась фраза: «Не приходи один». Надпись не исчезла, но и не стала ярче.

Мы пошли в библиотеку.

Внутри пахло старой бумагой, железом и мокрыми пальто. Под высоким потолком тянулись галереи, похожие на внутренности огромного шкафа. Лампы горели мягким янтарным светом. Между стеллажами ходила библиотекарь в длинном тёмном платье. Она передвигалась почти беззвучно и казалась частью мебели.

— Это Арсеньева, — шепнул Дориан. — Хранительница закрытого фонда.

— Ты знаешь всех, кто может выгнать нас?

— Не всех. Только тех, кто действительно может.

Лидия Арсеньева подняла глаза от каталога.

— Дориан, — сказала она. — Вы всё ещё ходите сюда без разрешения?

— Я думал, сегодня можно.

— Вы ошиблись.

— Тогда я попрошу разрешения.

— Вы уже стоите в библиотеке.

— Это считается просьбой?

— Это считается опозданием с просьбой.

Она закрыла каталог и посмотрела на меня. Её взгляд задержался на медальоне, но не дольше, чем на моём кардигане.

— Новенькая, — сказала она.

— Кира Вейл.

— Я знаю.

Я не стала спрашивать, откуда.

— Нам нужно найти запись о книге, — сказал Дориан. — «Анатомия отражений».

— Её нет в открытом каталоге.

— Поэтому мы спрашиваем вас.

— Нет. Вы спрашиваете, потому что не нашли её сами.

— Верно.

— Льстить мне не нужно. Я знаю, как устроен каталог.

Она взяла карточку у меня. На секунду её пальцы коснулись бумажного знака. Лицо библиотекаря не изменилось, но рука застыла.

— Где вы это нашли?

— У Леона, — ответила я. — Сера сказала, что карточка была в его книге.

— Серафима не должна брать чужие вещи.

— Она не знала, чьи они.

— А вы знаете?

— Теперь — да.

Арсеньева провела пальцем по чёрной линии на карточке.

— Леон искал эту книгу?

— Вы спрашиваете меня? — сказала я.

— Я спрашиваю обоих.

Дориан молчал.

— Запись о выдаче исчезла, — сказала библиотекарь. — Но книга не исчезала. Её вернули.

— Когда? — спросила я.

— В понедельник.

— Леон погиб во вторник.

— Это я умею считать.

— Кто вернул?

— В каталоге указана служебная отметка.

— Чья?

Арсеньева положила карточку на стол.

— Вам не нужно знать.

— Если книга связана с убийством, нужно.

— Это решит инспектор.

— Инспектор сказала, что это несчастный случай.

— Инспектор не сказала такого мне.

Дориан шагнул ближе.

— Лидия Павловна, в старой аудитории появился знак. Такой же, как на карточке.

Её взгляд стал острее.

— Вы были в старой аудитории?

— Нас туда привели.

— Кто?

— Не знаем.

— Я бы сказала, что вы врёте. Но вы слишком плохо врёте, Дориан.

— Спасибо.

— Это не похвала.

Она поднялась и прошла к стойке. На ней лежали несколько книг, связанных тонкой цепью. Библиотекарь достала ключ, открыла шкаф и вынула большой журнал.

— Запись о книге действительно меняли, — сказала она. — Сначала её взяли по читательской карточке Леона. Потом вернули по служебному ключу. Имя в журнале стёрли.

— Вы знаете, кто взял ключ? — спросила я.

— Знаю, кто имел право взять.

— И кто?

— Это не одно и то же.

Арсеньева поставила журнал перед нами. На странице остался прямоугольник, где бумага была чуть светлее. Чернила выскоблили острым предметом.

— Кто-то боялся, что его подпись узнают, — сказала я.

— Или не хотел, чтобы узнали, кто пользовался книгой.

— Вы не собираетесь рассказать инспектору?

— Я уже рассказала.

Дориан переглянулся со мной.

— Когда?

— Сегодня утром.

— Что она сказала?

— Сказала, что учтёт.

— И вы решили сами искать?

— Я решила, что вы не должны трогать книгу.

— Но всё-таки показали журнал.

— Я показала его потому, что вы уже пришли с карточкой Леона. Если бы вы собирались просто украсть книгу, вы бы не стали задавать вопросы.

— А если мы всё равно её украдём?

— Тогда я сообщу инспектору.

— Справедливо, — сказала я.

Арсеньева посмотрела на меня без улыбки, но уголок её губ едва заметно смягчился.

— Книга могла быть возвращена не в фонд, а в хранилище переплётов. После смерти Леона туда никто не входил.

— Вы уверены?

— Я проверяла.

— Тогда почему вы не забрали её?

— Потому что на двери было наложено запирающее заклинание.

— Вы не умеете его снять?

— Умею. Но не хочу.

Дориан задал вопрос, который я держала на языке:

— Почему?

Библиотекарь закрыла журнал.

— Потому что заклинание поставили изнутри.

Сера должна была ждать нас у читального зала. Её не было. На подоконнике лежала её стопка книг, а рядом — чашка остывшего чая.

— Она ушла? — спросила я.

— Я видел, как она стояла у входа, — ответил Дориан.

— Когда?

— Пока ты говорила с Арсеньевой.

— Почему не сказал?

— Потому что она ушла спокойно. Я не подумал, что это важно.

— Ты вообще умеешь замечать что-то, кроме знаков и чужих тайн?

— Иногда.

Мы нашли Сера у лестницы к служебным помещениям. Она стояла у окна и смотрела во двор.

— Кто-то спрашивал, где вы, — сказала она.

— Кто?

— Не знаю. Он был в форме преподавателя. Лицо я не разглядела.

— Он сказал, что ему нужно?

— Спросил, не видела ли я тебя. Я ответила, что не знаю, кто ты.

— Ты правильно сделала.

— Я знаю. Но он оставил это.

Сера протянула мне маленький кусочек бумаги. На нём была нарисована лестница с семью ступенями. Последняя была перечёркнута.

— Где ты нашла?

— Под книгами. Не трогала руками.

Дориан достал платок.

— Сначала проверю.

Он провёл колокольчиком над листком. Звук не раздался, но воздух вокруг него стал плотнее. На бумаге проступила тонкая вмятина, похожая на отпечаток кольца.

— Свежая, — сказал Дориан.

— Кто-то оставил её после того, как ты ушла? — спросила я.

Сера кивнула.

Мы не стали возвращаться к Арсеньевой. Служебный коридор тянулся за библиотекой, туда, где пахло мокрым картоном и клеем. У двери хранилища висел обычный замок. Дориан не стал его трогать.

— Если заклинание поставили изнутри, тот, кто там был, мог выйти другим путём, — сказала я.

— Или никто не выходил.

— Тогда кто-то внутри.

Сера стиснула пальцы на ремне сумки.

— Леон?

— Нет, — сказал Дориан. — Он мёртв.

— Ты не можешь знать, что там внутри.

— Могу. Заклинание закрывает дверь, но не воздух. Если бы там был человек сутки, мы бы услышали.

— А если он не дышит? — спросила я.

Дориан посмотрел на неё.

— Тогда я бы предпочёл не встречаться с ним.

Сера попятилась.

— Я остаюсь здесь.

— Это разумно, — сказал Дориан.

— Не говори так, будто мне нужна твоя оценка.

Он промолчал.

Я присела у двери. На замке висела цепочка, покрытая серой пылью. Я не прикасалась к ней. Старалась почувствовать остаток чужого присутствия — не словами, не картинками, а слабой рябью, как если бы вода дрогнула от далёкого падения камня.

В груди потеплело.

Медальон не обжигал. Только лежал тяжёлым знаком.

Из-за двери доносился запах старой кожи и сухой лаванды. Я положила ладонь на камень стены, не на замок. Перед глазами возникло короткое видение: белая перчатка, рука, поворачивающая ключ; край книги с золотым тиснением; потом — красный свет, отражённый в стекле.

Я отдёрнула руку.

— Что ты увидела? — спросил Дориан.

— Белую перчатку. Книгу. Красный свет.

— Лицо?

— Нет.

— Запах лаванды?

— Ты тоже чувствуешь?

— В хранилище хранится бумага от моли. Её обрабатывают лавандой.

— Ты знал?

— Нет. Просто предположил.

— А теперь?

— Теперь знаю, что был близок.

Он достал тонкую пластинку и попытался открыть замок. Металл не поддался. Я ничего не сказала.

Дориан убрал пластинку.

— Нам нужен ключ.

— У кого он? — спросила Сера.

— У тех, кто имеет доступ к служебному фонду, — ответил он. — Это несколько преподавателей, инспектор и библиотекарь.

— Значит, подозреваемых стало больше, — сказала я.

— Или меньше. Если знаем, кто не мог попасть сюда.

— А если мог каждый?

Он посмотрел на дверь.

— Тогда придётся искать то, чего они не могли подделать.

Внизу раздались шаги. Сера побледнела.

— Кто-то идёт.

Дориан протянул мне карточку Леона.

— Спрячь.

— Почему мне?

— У тебя кардиган с большими карманами.

— У меня нет карманов.

— Тогда за пояс.

Сера вытащила карточку из моей руки и спрятала в собственную сумку.

— Вы оба ужасно умеете прятать улики.

— Ты можешь уйти, — сказала я.

— Могу. Но не уйду.

Шаги стали ближе.

Мы свернули за стеллаж, скрытые стопками архивных папок. В проход вошёл человек в сером пиджаке. Лица я не видела. Он держал связку ключей и шёл прямо к двери хранилища.

Ключи звякнули.

Дориан выключил дыхание — или мне так показалось. Сера закрыла глаза.

Человек вставил ключ. Замок щёлкнул.

Дверь открылась на ширину ладони. Из щели потянуло лавандой и чем-то сладким, знакомым, как запах перезрелой вишни.

Потом человек обернулся к стеллажу.

В его руке лежала вторая читательская карточка Леона.

На ней уже было моё имя.

Глава 8. Неправильный след

Мы не двинулись.

Человек у двери смотрел прямо на стеллаж, за которым мы прятались. В коридоре не было света, кроме тусклой лампы над выходом, но карточка в его руке белела, как маленькое окно.

— Кира Вейл, — прочитал он.

Сера прижала ладонь ко рту. Дориан заслонил меня плечом, но не коснулся. Я видела только край его рукава и напряжённую линию шеи.

— Ты здесь? — спросил незнакомец.

Голос был мужской. Низкий, спокойный, почти ласковый.

Я не ответила.

— Я знаю, что ты здесь.

В дверной щели блеснуло что-то красное. Не огонь. Не кровь. Отражение.

Дориан зажал колокольчик в ладони.

— Сейчас, — прошептал он.

— Что сейчас?

— Я отвлеку его. Когда скажу — беги к лестнице.

— А ты?

— Я следом.

— Ты опять решил за меня.

— Тогда скажи, что делать.

Я посмотрела на человека у двери. Он держал карточку за самый край, словно она была мокрой. На его перчатке не было ни пятнышка.

— Заставь его посмотреть на окно, — сказала я. — Не на нас.

— Это можешь сделать ты?

Я кивнула.

— Не касаясь крови?

— Да.

— Не используй её.

— Я не собиралась.

Я подняла руку, но пальцы дрожали. В комнате не было ничего, за что могла бы зацепиться моя магия. Ни воды, ни огня. Только стекло шкафов, лампы и тёмное окно в конце коридора.

Я заставила себя представить, что в окне отражается открытая дверь.

Вначале ничего не произошло. Потом в стекле появилась тонкая светлая линия. Она отделилась от окна и легла на пол, похожая на полоску лунного света. Человек у двери заметил её. Повернул голову.

Дориан ударил в колокольчик.

Тишина не раскололась — она сместилась. Все звуки в коридоре на секунду ушли в сторону, будто кто-то отодвинул стену. Человек резко повернулся к окну.

— Беги, — сказал Дориан.

Я побежала.

Лестница была слева. Я проскочила мимо двери, зацепив рукавом стеллаж. За спиной прозвучал второй звон, потом голос Серы:

— Стойте!

Она не бежала за нами. Кричала незнакомцу, чтобы дать нам время.

На лестнице я остановилась.

— Она осталась там!

— Она знает, что делает, — сказал Дориан.

— А если он её схватит?

— Тогда мы вернёмся.

— Я возвращаюсь сейчас.

— Кира, послушай—

Я уже развернулась.

Дориан поймал меня за рукав, не за руку. Я дёрнулась, и он сразу отпустил.

— Прости, — сказал он. — Пожалуйста, не возвращайся туда одна. Дай мне пять секунд.

Я ненавидела, что он прав. Пять секунд растянулись до бесконечности. Потом Сера выскочила из коридора и сбежала по ступеням, перескакивая через две.

— Он ушёл в хранилище, — сказала она. — Я сказала, что инспектор ищет его у входа. Он не поверил, но всё равно пошёл проверить.

— Ты видела лицо?

— Нет. Только руку. И перчатку.

— Белую? — спросила я.

— Серая. Почти белая.

— Он открыл дверь?

— Только на секунду. Внутри лежали папки и какие-то книги. Я успела увидеть одну.

— Какую?

— «Анатомия отражений».

Мы поднялись в читальный зал не через главный вход, а через узкую лестницу у переплётной мастерской. Арсеньева стояла возле каталога и смотрела на нас так, будто знала, куда мы ходили, ещё до того, как мы вернулись.

— Вы нашли книгу? — спросила она.

— Её открывали, — ответила Сера.

— Кто?

— Не видели лица.

— Зато видели карточку Леона с моим именем, — сказала я.

— Это уже хуже.

— Вы знаете, кто имеет доступ к служебным ключам?

— Я знаю список.

— Вы отдадите его инспектору?

— Уже отдала.

— Нам он не нужен целиком. Только те, у кого есть ключ от хранилища.

— Это всё равно список.

— Тогда скажите, сколько их.

— Пятеро.

— Кто?

— Декан, инспектор, я, преподаватель ритуальных дисциплин и смотритель северного крыла.

— Вы доверяете всем пятерым? — спросил Дориан.

— Нет.

— Себе?

Арсеньева подняла бровь.

— Особенно себе. Я знаю, на что способна, когда хочу сохранить библиотеку.

Дориан принял ответ без улыбки.

— Книга была в хранилище. Почему запись о её выдаче стерли?

— Потому что её не должны были брать.

— Леон взял?

— Леон знал о книге. Но я не видела, чтобы он её уносил.

— Кто тогда вернул её по служебному ключу?

— Не знаю.

— Вы слышали о «втором колоколе»?

Арсеньева замерла.

— Откуда вы узнали эту фразу?

Сера подняла карточку.

— Она была у Леона.

— Не эта карточка. Что написано на ней?

Сера показала оборот.

— «Не приходи один».

— Это не фраза Леона.

— Вы уверены? — спросила я.

— Я редактировала его курсовую. Он никогда не писал повелительных фраз. Он задавал вопросы, даже когда был уверен в ответе.

— Тогда кто это написал?

— Кто-то, кто знал его почерк. Или хотел, чтобы вы подумали, будто знал.

Арсеньева закрыла каталог.

— Колоколами в академии пользуются не только для расписания. В старые годы ими отмечали часы, когда разрешалось работать с зеркальными коллекциями. Первый удар — подготовка. Второй — открытие. Третий — закрытие.

— Сейчас какие коллекции? — спросила я.

— Нет никаких коллекций.

— Но в библиотеке остались зеркала?

— Только музейные фрагменты. Некоторые из них опасны.

— Где они?

— В закрытом фонде.

— Рядом с хранилищем?

— Нет.

— Где?

Арсеньева посмотрела на Дориана.

— Вы уже знаете.

Он не ответил.

— Старая оранжерея, — сказала я. — Там стеклянная крыша.

— Её закрыли после пожара, — сказала библиотекарь.

— Значит, там что-то осталось.

— Возможно.

— Вы знали?

— Я знаю, что там хранятся вещи, которые никто не хочет считать частью академии.

— Удобно.

— Не для меня.

Сера листала расписание, которое взяла со стола. Её пальцы остановились на одной строке.

— Второй колокол звучит в десять, — сказала она. — Но сегодня звонили трижды. Значит, кто-то хотел открыть то, что закрыто.

— Или заставить нас думать, что открыли, — произнёс Дориан.

— Как мы поймём? — спросила я.

— Проверим оранжерею.

— Там же могут быть опасные зеркала.

— Поэтому мы не будем входить без плана.

— Какой у нас план?

Он посмотрел на меня.

— Ты создашь отражение пустого коридора. Я удержу внимание тех, кто будет патрулировать. Сера останется у двери и подаст сигнал, если кто-то приблизится.

— Я не согласна, — сказала Сера.

— Ты можешь отказаться.

— Я не отказываюсь. Я говорю, что мы не будем использовать её как приманку.

— Я не собирался.

— Но звучит именно так.

Дориан замолчал.

Я впервые увидела, как он принимает замечание не как препятствие, а как факт.

— Ты права, — сказал он.

Сера коротко кивнула.

— Тогда я пойду с вами до самой двери. Если станет плохо, уйдём все трое.

— Договорились, — сказала я.

Оранжерея стояла за старым двором, отделённая от главного корпуса кирпичной стеной. На её стеклянной крыше лежали сухие листья. Дверь была заколочена досками, но на одной доске виднелся свежий след от инструмента.

Мы пришли после отбоя.

Сера несла фонарь, закрытый красной тканью. Дориан шёл первым, колокольчик держал в кармане. Я шла последней и старалась не задевать медальон.

У двери обнаружилась новая цепь. На ней висел замок, который кто-то недавно смазал. Он блестел в темноте.

— Ты можешь открыть? — спросила я.

— Могу попробовать.

— Не ломай.

— Постараюсь.

— Не говори—

Он уже поддел замок металлической пластиной.

Замок щёлкнул. Дверь приоткрылась.

Изнутри повеяло холодом и горьким запахом золы.

В оранжерее росли только сухие стебли. На полу лежали обломки глиняных горшков, старые бирки и клочки бумаги. Стеклянная крыша собирала лунный свет, но отражала небо без звёзд.

В центре стоял большой шкаф, накрытый серой тканью.

— Это и есть коллекция? — прошептала Сера.

— Похоже, — ответил Дориан.

— Не трогайте ткань, пока не проверю, — сказала я.

— Я и не собирался, — сказал он.

— Хорошо.

Я не стала смотреть прямо на шкаф. Вместо этого посмотрела на его отражение в стеклянной стене. Ткань в отражении лежала иначе: один край был поднят, под ним виднелся блестящий угол рамы.

— Там зеркало, — сказала я.

Дориан обошёл шкаф с другой стороны. На ткани было вышито кольцо с вертикальной чертой.

— Такой же знак, — сказала Сера.

Я подняла руку. От стеклянной крыши к моим пальцам потянулась тонкая серебряная линия. Не кровь. Свет.

Медальон потеплел. На секунду я увидела оранжерею такой, какой она была много лет назад: зелёные растения, чистые стёкла, стол с раскрытыми книгами. У шкафа стояла девушка в чёрном платье. На груди у неё висел такой же медальон.

Девушка обернулась.

Её лицо было моим.

Я отшатнулась. Видение рассыпалось.

— Кира? — Дориан оказался рядом, но не коснулся.

— В отражении была девушка.

— Кто?

— Я.

— Ты уверена?

— Да.

— Она была старше?

— Нет. Такая же.

Сера прижала фонарь к груди.

— Это невозможно.

— В Сент-Мортис, кажется, не стоит говорить это слово, — сказала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.